

10. Благодарим за счастье встречи с тобой

Страшное и дорогое время. Вспоминает Нина Черепанова (Тарасова)

Чем дальше уходим от детства, тем яснее, ярче и болезненней проступают отдельные эпизоды прошлого и образы людей того тяжёлого и такого прекрасного времени, сороковых и пятидесятых годов прошлого века.

Перед глазами стоит наш маленький город, тихий, печальный, с неулыбчивыми жителями, грустными детьми, озабоченными женщинами, военными машинами. Война! Она подчинила себе всю нашу жизнь и сделала нас, детей, взрослыми.

В первый класс я отправилась 1 сентября 1942 года – в школу № 2, что стояла тогда на проспекте Луначарского, возле здания краеведческого музея. Отец уехал на фронт, оставив жену и четверых детей, из которых я – старшая. Ещё с нами жила его мать – моя бабушка – наша главная помощница в семье. Мама с утра до ночи работала, и в основном мы были предоставлены сами себе. Отец имел хорошее образование и всегда мечтал (и писал об этом с фронта), чтобы его дети выросли умными людьми. Бабушка сшила мне сумку вместо портфеля, отыскались какие-то книги и тетради с жёлтой бумагой, и пошла я, семилетняя, в школу. Моим первым учителем стал высокий красивый старик – Яков Петрович Верещагин. Он не только преподавал нам грамоту, но и рассказывал о войне, читал нам газету «Коммунист». А когда раздавался вой сирены, вёл класс в «бомбоубежище», попросту – вырытые окопы, которые не могли бы, конечно, защитить нас от бомб.

В школе нас немножко подкармливали, выдавали на перемене по кусочку хлеба, а иногда суп, для чего мы приносили из дома кружку и ложку. Директором школы в то

время был Виктор Николаевич Парфёнов (дед телеведущего Леонида Парфёнова).

Писали мы на какой-то серой бумаге или в книгах между печатными строчками, в классе топили печь, и иногда на уроках комната освещалась только её огнём. Мы старались учиться хорошо, чтобы не огорчать старших, стремились помогать им во всём.

В октябре 1943-го пришло известие, что отец ранен и отправлен в неизвестном направлении. Он, видимо, умер по дороге в госпиталь, так как мы ничего больше о нём не могли узнать.

И вдруг на фоне этой тяжёлой жизни, голода, безысходности как будто приоткрылось окно в светлую, красивую жизнь! Подруга привела меня в Дом пионеров – сначала в драматический кружок, а потом в балетный и краеведческий. И здесь я обрела второй дом, без которого больше не представляла себе ни одного дня. Прибежав из школы и наскоро сделав уроки (а в школе я была отличницей с 1 по 10 класс), я мчалась в свой любимый дом, где меня ждали друзья, добрые педагоги во главе с неунывающей Ангелиной Анатольевной Алексеевой. Благодаря своей одарённой натуре, уму и глубокой порядочности, она сплотила великолепный педагогический коллектив, который воспитывал детей в военное лихолетье по самым высоким канонам. Вели занятия в основном ленинградцы – с прекрасным образованием – и череповецкая интеллигенция. Сама Ангелина Анатольевна окончила Академию художеств в Ленинграде. Ольга Петровна Игорева – руководитель драмкружка – артистка ленинградских театров. Татьяна Владимировна Бахина – главный музыкант (фортепиано) нашего города, блокадница, Римма Николаевна Иваницкая – местный педагог, балетмейстер, Мария Фёдоровна Крылова – череповецкий аккомпаниатор, Корнелий Константинович Морозов – директор музея (и сам артист),

Григорий Меерович Штильфус – ленинградец-блокадник, наш скрипач, Елена Мануиловна Гурвич – врач, ленинградка, работала в госпитале и помогала в Доме пионеров. Со многими из них мы дружили долгие годы, переписывались, навещали позднее в Ленинграде.

В наших кружках занимались дети, вывезенные из блокадного Ленинграда. Бледные, худые, они первое время не могли даже бегать. Некоторых из них я помню: Галя Горская, Люся Расина, Алик Сафьянов, Галя Вайсберг. Мы заботились о них, старались подкармливать, приносили из дома сушёные овощи, сухари.

Спектаклями, которые мы ставили в драматическом кружке, жил в то время город. В них участвовали иногда до 100 человек, все коллективы Дома пионеров. Это были представления «Конёк-Горбунок», «12 месяцев», «Золушка», «Белый пудель», «Мороз Иванович», «Басни Крылова», «Сказка о глупом мышонке», «Морской охотник», «Снежок».

В спектакле «Морской охотник» играли мальчишки-юнки, которые в то время учились в Череповце. Среди них два приёмных сына Ангелины Анатольевны – Лёша и Вася, которых она привела, что называется, с улицы.

С этими постановками мы ходили в госпитали, играли для раненых, и они со слезами на глазах благодарили за подаренный им праздник. Выступали и в детских домах в городе и районе.

Костюмы мы шили сами под руководством педагогов, а маски зверей, сделанные Ангелиной Анатольевной, были настоящими произведениями искусства.

А какие новогодние праздники устраивали для нас взрослые! Ангелина Анатольевна в зимние каникулы водила нас в лес, мы разжигали костёр, пели, прыгали возле ёлки, а потом получали в подарок по прянику. В Доме пионеров устраивались маскарады, музыкальные викторины.

Блестящий педагогический талант Ольги Петровны я запомнила на всю жизнь, и многие уроки наших наставников очень помогли нам в дальнейшей жизни. В то суровое время, кроме радио, у нас не было других развлечений. А здесь, в нашем доме, Ольга Петровна рассказывала нам о знаменитых артистах, писателях, художниках, композиторах. Мы учились танцевать, общаться друг с другом, учились уважительному отношению к старшим, ответственности и обязательности. Вот этой чертой, обязательностью, я руководствуюсь всю жизнь.

Мы долгие годы общались с Ангелиной Анатольевной, Ольгой Петровной, её сестрой Татьяной Петровной. Узнали много об их жизни, их замечательном прошлом и ещё и ещё раз удивлялись, насколько энциклопедически образованны были эти женщины. И не только образованны сами, но и скольких учеников и последователей они вырастили! Мы будем их помнить всегда. Я очень благодарна Дворцу детского и юношеского творчества, который продолжает дело, начатое прекрасными педагогами, научившими нас, даже в страшное лихолетье, видеть красоту, доброту, любить искусство и музыку.

Перед глазами из того дальнего далека выплывает такая картина: тёмный вечерний Череповец, холод, зима. От Советского проспекта по улице Дзержинского в сторону улицы Володарского движется небольшая группа. В центре – Ольга Петровна Игорева, в руках у неё фонарь «летучая мышь» с зажжённой в нём свечой, и с двух сторон, прижавшись к ней, – маленькие девочки: я – Нина Черепанова, Нэлли Корешкова (Балахонцева), Галя Смирнова (Ромашова). Она разводит нас после репетиции по домам. Мне до сих пор вспоминается этот слабый огонёк, который светил нам потом всю жизнь и не давал забыть тяжёлое, страшное и такое дорогое время – войну.

Воспоминания
о драматическом кружке Дома пионеров.
Нэлли Корешкова (Балахонцева)

В 1943 году я пришла в драмкружок, когда он находился в двухэтажном деревянном доме на ул. Энгельса, напротив кинотеатра «Горн». Сюда была переведена школа № 12 и Дом пионеров, так как их основные здания были заняты под госпитали для раненых. Почему пришла? Потому что всем классом мы ходили на постановку сказки «Конёк-Горбунок», где в главной роли я увидела Горячёву Галю (с этой девочкой мы вместе были в детском саду). Я подумала: «Она выступает, а я разве не могу?»

Но новой пьесы в то время не ставили, повторяли некоторые сцены из «Конька-Горбунка». Пришли мы вместе с подружкой. Она вскоре ушла, и я за ней. Но какая-то тоска осталась, и я вскоре вернулась обратно. Дом пионеров был уже в другом здании, на Советском проспекте, в «Криуле», как мы называли эту часть улицы (теперь в этом здании магазин «Адалар»). Мы занимали верхний этаж. Какой это год, не помню. В драмкружке было очень много детей, и всем находились занятия и роли. Ставили басни Крылова: «Волк и Ягнёнок», «Волк на псарне», «Кот и повар» и другие; с ними выступали в госпиталях.

Основной пьесой, ставшей для меня началом «артистической карьеры», была «Двенадцать месяцев» Маршака. Мы выросли на ней духовно. Я играла одного из многих зайчиков. А очень хотелось быть Мартом-месяцем. И руководитель драмкружка как будто почувствовала это: я стала Мартом. Одновременно все исполнители были и гостями на балу у королевы.

На спектакле, поставленном к олимпиаде школьников в 1945 или 46-м году, нас было больше пятидесяти человек.

Костюмы делали все сами под руководством Ангелины Анатольевны Алексеевой.

Позднее мы ставили отдельные сцены из «Двенадцати месяцев», где я уже играла дочку, а потом и королеву (это уже в 1947 или 48-м году, на первых выборах в Верховный Совет, мы ездили и ходили по избирательным участкам).

Потом был «Морской охотник» (не помню автора). Я играла Катю – девочку волевою, добрую, смелую, умеющую понимать чужое горе, которая помогла спасти пропавшего командира корабля.

В спектакле «Золушка» я играла принца.

Очень добрым был спектакль «Белый пудель» Куприна. Кажется, в 1947 году. Я играла Трилли – маменькиного сынка, капризного, злого мальчика.

Между этими главными спектаклями были небольшие: «Морозко» (я играла рукодельницу), «Сказка о глупом мышонке» (я исполняла роль мамы-мышки). И были стихи на протяжении всего времени занятий в кружке, большие и маленькие, детские и взрослые, от «Слыхали вы про кисаньку, про милую мою...» до «Рассказа о спрятанном оружии» К. Симонова.

В 1949 году приступили к репетициям пьесы «Снежок» Любимовой, где я должна была играть Джона – сына американского капиталиста – злого, недоброжелательного, заводилу ребят богатых, которые издевались над мальчиком-негром. Но премьера для меня не состоялась. Мне было уже пятнадцать лет, такого костюма по бедности Дома пионеров сделать не могли, была кофта Ольги Петровны, парик Ивана-дурака из «Конька-Горбунка» и брюки, снятые с какого-нибудь зрителя. Я ушла. Это было в 1950 году.

В драмкружке я была с 1943 по 1950 годы, всё детство.

Вспомнилось всё, что было за эти годы жизни в драмкружке. Только забылись некоторые годы, когда именно ставился спектакль, и последовательность некоторых из них.

Прекраснее лет в жизни у меня не было. Всё писать – бумаги не хватит. Это было тяжёлое военное и послевоенное время. Мы были вечно голодные, плохо одетые, лишённые самого необходимого. Но кружок всех нас объединял, согревал, делал добрее и мужественнее. Плохо было с костюмами, не из чего делать. Только золотые руки Ангелины Анатольевны могли делать так, что мы выходили на сцену одетыми соответственно эпохе, времени действия.

Вот, например, даёт Ангелина Анатольевна два кружка розовой марли Люсе Расиной, играющей Июль, и говорит, чтобы сшила штаны. Та в слёзы: «Как?» Но сшила.

Трилли – барчук, ему нужен красивый костюм. Где его взять? Слёзы. И вот не могу не вспомнить нашу Марию Фёдоровну Крылову, нашего концертмейстера, добрейшего человека (её дочь – Крылова Валентина Алексеевна – бывшая участница балетного кружка, в дальнейшем – известная в городе врач-гинеколог). Через день она приносит сшитый из своей материи прекрасный сатиновый костюм, со своим воротником.

Теперь о руководителе кружка.

Ольга Петровна Игорева (1885-1976) – коренная ленинградка из высококультурной образованной семьи. Отец – разночинец 60-70-х годов, образованнейший человек. Мать воспитывала пятерых детей, всем было дано высшее образование.

В ранней юности Ольга Петровна решила стать актрисой, что в те времена для её окружения было неприлично. Но она пренебрегла мнением окружающих. А мать поняла, что это её призвание, и уже не возражала. Ольга Петровна кончила актёрские курсы, и всю жизнь до войны была актрисой ленинградских театров. Летом ездила в различные города Советского Союза на гастроли: Ростов, Махачкала и другие. Благословила её на актёрскую судьбу Савина М.Г. – великая русская актриса.

Была Ольга Петровна в 30-е годы на гастролях и в Череповце, в нашем театре. Жила на проспекте Луначарского (дом снесён).

В начале войны эвакуировалась в город Череповец и стала работать в Доме пионеров. Всю свою душу, все свои знания, умения она отдавала детям.

Ольга Петровна не готовила из нас артистов. Она делала из нас просто честных, культурных, добрых, думающих людей, всесторонне развитых. С самого начала она учила двигаться на сцене, владеть своим телом. Учила танцевать. Во всех спектаклях были танцы: вальс, полька, менуэт, полонез... Учила петь. Где возможно, в пьесы она всегда включала песни. Весь спектакль обычно сопровождался музыкой.

Ольга Петровна не препятствовала нам одновременно заниматься в хоровом, балетном, краеведческом кружках, что мы и делали. Она считала, что от всего этого есть польза.

Дисциплина была главным её условием в работе над спектаклями. Ни о каком пропуске репетиции по неуважительной причине не могло быть и речи. И таких причин для нас не существовало. Не могли остановить ни пурга, ни мороз, ни недомогание. Мы считали нашим долгом быть всегда в назначенное время на репетиции или спектакле. Не всегда это было легко при тех условиях. В то время при температуре ниже 25 градусов дети не ходили в школу, так как были плохо одеты, истощены голодом. Зимой улицы города завалены снегом, осенью и весной – непролазная грязь (асфальта не было, дороги расчищать некому). Но если не пришёл кто-нибудь на спектакль и подвёл коллектив, никакие мольбы не помогали: Ольга Петровна исключала его.

В нас, маленьких детях, она всегда уважала личность.

В спектаклях мы не играли, а жили, с её слов знали много о том времени, о котором была пьеса: нравы, обычаи, культура поведения героев и прочее. Мы нравственно под её

руководством росли от пьесы к пьесе. Это мы поняли потом, через много лет.

Ольга Петровна учила нас правильному русскому языку, рассказывала о живописи, истории России, интересовалась успехами в школе, помогала по истории, географии, иностранному и сама училась у нас. У неё были всевозможные орфографические словари. До глубокой старости она следила за изменениями в нашем языке (в те годы проходила реформа русского языка). В 72 года поступила в Университет культуры (во Дворце металлургов) на английский факультет для пополнения знаний, чтобы читать в подлиннике английских писателей.

Мне повезло, мы жили рядом, через один дом. Поэтому каждый вечер из Дома пионеров шли вместе почти через весь город. Темно, фонарей горело мало, по слякоти, по снегу, с палочкой и фонарём, в котором горела свечка, мы шли медленно, и в продолжение всего этого пути были рассказы. Как-то два вечера Ольга Петровна рассказывала о картине И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Она очень хорошо знала историю, все события и даты, учила этому и нас, повторяя часто, что, не зная истории своей страны, своего народа, нельзя считать себя культурным человеком.

Мы и тогда, в детстве, приходили к ней домой на чай, с горем и радостью, и всегда уходили счастливыми, зная, что есть на свете такой человек, которому можно доверить всё, который всегда поможет, разъяснит, утешит. Эта дружба не прерывалась все долгие годы её жизни вплоть до самой смерти.

Я её считала второй матерью.

Уже позднее, когда училась в Ленинградском гидрометеорологическом институте, приехав домой, первым делом бежала к Ольге Петровне.

Когда родилась моя первая дочка Галя, я её принесла, ещё совсем маленькую, трёхмесячную, показать Ольге

Петровне. Потом так же приносила своего сына Володю и младшую дочь, которую назвала Ольгой.

Перед началом учебного года я приводила своих детей к Ольге Петровне, чтобы они знали, что самое главное в жизни – отдать людям всё, что можно, как это делала Ольга Петровна.

Когда долго живёшь на земле, невольно обращаешься к истокам жизни, к своему детству. И вот я думаю, что участие в драмкружке, дружба с Ольгой Петровной оставила в моей судьбе след на всю жизнь. Что есть во мне хорошего, доброго, всё взято оттуда, из Дома пионеров. Я хуже помню школу, хотя училась отлично, иначе нельзя было. Любовь к театру осталась на всю жизнь, как к чему-то святому и дорогому. Где бы ни была, первым делом иду в театр. Любовь к искусству старалась привить и своим детям, и их друзьям.

Ещё в школе, в седьмом классе, мы самостоятельно с Ниной Черепановой поставили спектакль «Урок зверей», как режиссёры; в десятом – «Аттестат зрелости», с которым выступали даже в Доме культуры.

В 1970-71-м годах я вела драмкружок на общественных началах в клубе «Огонёк», воспитателем в котором была тоже питомица Ольги Петровны Алла Алексеевна Кузнецова. Мы поставили пьесы «Кошкин дом», «Терем-теремок» по ремаркам Ольги Петровны и под её духовным руководством. Вела драматический кружок в школе, где училась дочь.

По возможности сама участвовала в художественной самодеятельности. Я слежу за её развитием в Череповце, знакома почти со всеми коллективами. Уважаю художественную самодеятельность.

Многие из нас, из тех, с кем раньше играли, остались друзьями на всю жизнь. Пусть не со всеми часто встречаемся, но при встрече мы всё те же мальчики и девоч-

ки, объединённые радостью приобщения к прекрасному с детства. Мы все друзья. Особенно мы, несколько человек, ходившие в солистах в то время, – Нина Черепанова, Галя Смирнова, я.

**Воспоминания о руководителе
драматического кружка городского Дома пионеров
Игоровой Ольге Петровне.
Люба Соловьёва (Иоганн)**

Боря Линьков, Таня Рахманова, Таня Репина, Галя Поклонская, Витя Тютин – эти имена запомнились мне по драматическому кружку Дома пионеров, который вела Игорева Ольга Петровна. Будучи детьми, мы не смогли осознать, какой подарок подарила нам судьба, послав в руководители Ольгу Петровну. То, что она человек особенный, далёкий от нашей рабоче-крестьянской среды, очевидно было даже нам, детям. Её красота, манера ходить, величие, благородство вызывали робость, и некоторые дети, как потом выяснилось, не решались идти в драмкружок, шли в балет, изо и в другие кружки. А вообще в те годы дети часто ходили не в один кружок, а мигрировали из балета в драм., и наоборот. А некоторые ходили только в летние туристические походы, но и зимой просто проживали в Доме пионеров, приходили пообщаться с друзьями, теперь бы сказали – потусоваться. Я без колебаний выбрала драм. С обожанием и непроходящим интересом смотрела я на Ольгу Петровну, особенно интересно было её лицо, всё в глубоких морщинах, но между этими морщинами была тончайшая беломраморная кожа. Красиво были заколоты её серебристые волосы и неизменная шляпка, чудом державшаяся на её голове и зимой, и весной, и осенью. И как только она не мёрзла? А сколько достоинства, благородства и, теперь бы сказали, шарма было в её походке. Прямая спина, красиво склонённая головка. От